

На правах рукописи

Колоколова Ольга Алексеевна

**МОТИВ «БЛУДНОГО СЫНА» В ФИННОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КАРЕЛИИ XX ВЕКА**

Специальность 10.01.02 – литература народов Российской Федерации
(литература народов Карелии)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2017

Работа выполнена в секторе литературоведения ФГБУН Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Научный руководитель: **Маркова Елена Ивановна**
доктор филологических наук, заведующий сектором литературоведения ФГБУН Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Зайцева Татьяна Ивановна**
доктор филологических наук, заведующий кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ «Удмуртский государственный университет»

Лимерова Валентина Александровна
кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения ФГБУН Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»

Защита состоится «31» января 2018 года в 13.00 на заседании Диссертационного совета Д 002.209.04 при Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук и на сайте <http://imli.ru/index.php/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/2529-motiv-bludnogo-syna-v-finoyazychnoj-literature-karelii-xx-veka>.

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат филологических наук

С. П. Сорокина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию рецепции мотива блудного сына в финноязычной литературе Карелии XX века, включающей произведения писателей-иммигрантов (выходцев из Финляндии, Канады и США), ингерманландцев (российских финнов) и карелов, пишущих на финском языке.

Актуальность исследования. Анализ трансформации мотива блудного сына в финноязычной литературе Карелии способствует решению актуальных вопросов, связанных с изучением литератур народов России. Проблема рецепции новозаветной притчи достаточно полно освещена в критической и научной литературе на материале творчества русских писателей. В последние десятилетия возрастает интерес к разработке этой проблемы на материале других литератур, в том числе, финно-угорской. Поскольку наблюдения о трансформации мотива «блудного сына» в произведениях финно-угорских писателей единичны¹, представляется важным исследовать этот вопрос в контексте творчества финноязычных писателей Карелии.

Научная новизна. Корпус финноязычной литературы Карелии, как правило, рассматривался на идейно-тематическом, проблемном уровнях в обзорных трудах историко-литературного плана или в очерках жизни и творчества писателей. Типологическое исследование евангельского мотива

---

¹ Спиридонова И. А. Анатолий Петухов // Справочно-аналитические материалы по литературе Карелии (для «Энциклопедического словаря литератур народов России. XX век»). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 37; Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения: автореф. дис. ...докт. филол. наук. Саранск, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> (дата обращения 08.11.2016); Койвисто Р. Р. Этические критерии и художественная правда новеллистики Хильды Тихля и ее романов «Хилма» («Hilma», 1913) и «Люди» («Ihmisiä», 1916) // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 81–99; Казакова М. В. Биография Армаса Иосифовича Хийри сквозь призму библейского сюжета: на материале притчи о блудном сыне // Православие в Карелии: материалы IV научной конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (25–26 октября 2015 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 372–377.

на материале произведения советских писателей в финноязычной литературе Карелии предпринято впервые.

Объектом исследования являются произведения финноязычных писателей Карелии XX века: рассказ Х. Тихля «Бродяжка», поэзия Я. Виртанена, стихотворение и рассказы Л. Хело, лирика П. Пелля, К. Корвела, очерк П. Мутанена «Земля обетованная», повествование Н. Яккола «Водораздел», романы А. Тимонена «Мы карелы» и «Мирья», цикл романов О. Степанова «Родичи». Таким образом, анализ трансформации и функционирования мотива «блудного сына» осуществлен на материале произведений различных жанров (роман, повествование, очерк, рассказ, стихотворение).

Предмет исследования – трансформация мотива «блудного сына» в финноязычной литературе Карелии XX века. Мотивом, по определению Ю. В. Силантьева, является «а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками»². Исследователь считает, что «именно мотив как носитель устойчивых значений и образов повествовательной традиции и одновременно как повествовательный элемент, участвующий в сложении фабул конкретных произведений, обеспечивает связь «предания» и сферы «личного творчества»³. В соответствии с теорией В. Я. Проппа⁴, мотив – комплексное целое, состоящее из отдельных единиц. Следовательно, в составе мотива блудного сына можно выделить элементы, полностью или частично воспроизводимые в художественных произведениях: блудный сын (дочь); отец (мать); внешний (внутренний) конфликт; выбор судьбы, уход из дома, странствие / блуждание, грехопадение; страдание, тоска отчуждению

---

² Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 96.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2005.

(родителю, Отечеству), раскаяние; возвращение, прощение. Компоненты мотива трансформируются под влиянием творческой индивидуальности писателя, авторского замысла, а также социокультурного и исторического контекста.

Цель исследования – анализ вариативности мотива «блудного сына» на материале финноязычной литературы Карелии XX века. В соответствии с целью был выстроен ряд исследовательских задач:

- выявить особенности интерпретации притчи о блудном сыне в богословском дискурсе;
- представить историографию проблемы изучения мотива «блудного сына»;
- рассмотреть особенности трансформации мотива «блудного сына» в финноязычной литературе Карелии XX века;
- проанализировать влияние индивидуального авторского начала на модификацию мотива «блудного сына»;
- проследить, каким образом отражены элементы национальной культуры и истории в реализации мотива в произведениях;
- выделить устойчивые компоненты мотива в художественных текстах;
- выстроить систему модификации мотива в финноязычной литературе Карелии XX века.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Теоретическая база представлена трудами М. М. Бахтина, посвященными изучению таких фундаментальных понятий, как диалог, хронотоп, амбивалентность. Исследование опирается на основы структурного и типологического методов, разработанных Д. С. Лихачевым и Ю. М. Лотманом, теорию Б. О. Кормана об авторе и формах выражения авторского сознания в художественном произведении; теорию К. Г. Юнга об архетипах как «сквозных», «порождающих» моделях словесного творчества; учения о литературных архетипах М. Элиаде, С. С. Аверинцева, Е. М. Мелетинского,

работы Е. И. Марковой, посвященные интерпретации архетипических моделей в севернорусской и финно-угорской словесности Европейского Севера России. Необходимо указать на особую значимость работ, посвященных исследованию истории литературы Карелии и Европейского Севера в целом: коллективные труды «Очерки литературы Карело-Финской ССР» (1954), «Очерк истории советской литературы Карелии» (1969), «История литературы Карелии в 3-х томах» (1994, 1997, 2000), сборники статей «Проблемы литературы Карелии и Финляндии» (1988, 1991, 1994, 1996), а также монографии Э. Л. Алто, Ю. И. Дюжева, Э. Г. Карху, М. Ф. Пахомовой, Т. И. Старшовой. Следует отметить интерес карельских исследователей к христианской проблематике. Литературоведы Петрозаводского государственного университета под руководством профессора В. Н. Захарова в числе первых начали работу над осмыслением христианских традиций русской литературы. В коллективных трудах «Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, жанр» наряду с изучением общерусского христианского контекста, выделяется севернорусский, в тесной связи с которым развивалась финно-угорская литература Карелии. Проблема «православие и культура финно-угорских народов Карелии» поднимается в изданиях «Православие в Карелии», подготовленных, прежде всего, учеными Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Труды носят междисциплинарный характер (история, этнология, языкознание, фольклористика, педагогика, культурология, богословие). Ряд статей посвящен изучению христианских традиций в литературе.

Методы исследования. Для решения поставленных задач использованы следующие методы: историко-типологический, историко-литературный, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный. В ходе исследования задействован также культурологический метод.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты и материалы исследования могут быть использованы при составлении лекционных курсов

по истории литературы Карелии в вузовской практике и подготовке школьных уроков по литературе в рамках изучения региональной литературы.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Мотив «блудного сына» является структурной единицей и состоит из ряда элементов: блудный сын / дочь, подросток; отец / мать; внешний / внутренний конфликт; выбор судьбы; уход из дома; странствие / блуждание; грехопадение, страдание, раскаяние; возвращение, прощение.
2. Элементы евангельского мотива «блудного сына» трансформируются в творчестве финноязычных писателей Карелии XX века. Модификации сюжета обусловлены особенностями индивидуального сознания писателей, исторических, социальных, этнических и профессиональных факторов культурного пространства Карелии, глобальных социальных катаклизмов в России XX века.
3. В ряду модификаций мотива «блудного сына» обозначаются две группы произведений финноязычной литературы Карелии XX века. В первой христианский мотив «блудного сына» реализуется эксплицитно, то есть сюжет и образы притчи воспроизводятся в композиции, сюжете и образах художественных текстов. Во второй группе мотив значительно трансформирован в «нехристианском» контексте произведений советской эпохи и интерпретируется на архетипическом уровне.
4. Трансформация мотива «блудного сына» в рассмотренных текстах сопровождается рядом устойчивых образов и компонентов мотива: проблема выбора, духовная и реальная граница во времени, разделение пространства на «свое» и «чужое», образ леса как пограничного пространства, хранящего тайное знание о судьбах героев, образы дороги, отчего дома.

5. В произведениях финноязычной литературы Карелии XX века прослеживается связь образа блудного сына с темами судьбы народа, потери родного языка, культуры, поиска своих корней.

Апробация результатов исследования. Основные результаты работы обсуждались и были представлены на V Всероссийской конференции финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России (Правительство РК, Комитет финно-угроведов РФ, ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводская государственная консерватория им. А. К. Глазунова, Петрозаводск, 2–28 июня 2014 года); Научно-практической конференции «Этническая культура и XXI век» (Петрозаводская государственная консерватория имени А.К. Глазунова, Петрозаводск, 27 марта 2015 года); Международной научной конференции «Русская литература XX века и революция 1917 года: К 120-летию со дня рождения Всеволода Иванова» (ИМЛИ РАН, Институт мировой культуры МГУ, МПГУ, РГГУ, Москва, 28–30 сентября 2015); Всероссийской научной конференции с международным участием «Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа (1895–1970)» (Петрозаводский государственный университет, петрозаводск, 16–19 сентября 2015 года); Научной конференции «Бубриховские чтения: Гуманитарные науки на Европейском Севере» (ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск, 1–2 октября 2015 года); Региональной научно-практической конференции «Русская классика и современность» (Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, 3 ноября 2015 года); IV научной конференции «Православие в Карелии», посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (Петрозаводская и Карельская епархия русской Православной Церкви, Министерство образования Республики Карелия, Министерство культуры Республики Карелия, Национальная библиотека Республики Карелия, Петрозаводск, 25–26 ноября 2015 года); Межрегиональной научно-практической конференции «Финно-угорские народы Северо-Запада России: традиции и современность»

(Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям ленинградской области, Санкт-Петербург, 18 ноября 2015 года).

Кроме того, основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 8 печатных работах и 1 электронной публикации, 4 из которых представлены в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 179 наименований, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, теоретико-методологические основы; описываются методы исследования; раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; излагаются положения, выносимые на защиту, характеризуется структура диссертации; указываются сведения о научной апробации работы.

В **первой главе «Притча о блудном сыне в богословии и филологической науке»** представлены основные подходы к интерпретации данного текста в святоотеческой литературе, богословских трудах, рассмотрены особенности ее изучения в филологии.

В **разделе 1.1.** выявлены основные **аспекты богословского толкования притчи о блудном сыне.** Евангельский рассказ отличается богатством и глубиной содержания, универсальный, общечеловеческий смысл⁵. Символический подтекст отражает путь человека в его взаимоотношениях с

---

⁵ Никанор, епископ. Поучение в неделю блудного сына, в день поминовения усопшего раба Божия, Феодора Достоевского, знаменитого писателя // Поучения Никанора епископа Уфимского и Мензелинского. Уфа : Губернская типография, 1883. С. 47–48.

семьей, Отечеством, Богом ⁶. Психологизм библейского повествования характеризует данный сюжет как «вечную историю» ⁷, «сердцевину Евангелия»⁸.

Основной идеей притчи с точки зрения богословского дискурса является любовь Отца Небесного к заблудшим детям. Определение «блудный» в старославянском и русском переводе ассоциируется с существительными «блуд», «блудница». Однако в данном случае семантически более верно соотнести прилагательное с глаголом «блуждать», что подтверждается рядом языковых фактов. Во-первых, в греческом тексте Евангелия от Луки используется определение «ἀσώτος»⁹, одно из значений которого – «невозможность спасения для вечной жизни, нравственная гибель», что гораздо шире подразумеваемого значения «блуда»¹⁰. Во-вторых, фраза «живя распутно» в греческом переводе («ζῶν ἀσώτως») означает, что младший сын «сошел с трудного пути спасения и вступил на путь гибели»¹¹, потерял себя и находится в духовных блужданиях (в латинском тексте «vivende luxuriose» – живя *роскошно*)¹². В переводе Евангелия на финский язык использовано существительное «tuhlaajaroika»¹³, которое в своей основе имеет лексему «tuhlaaja» – «расточитель». В данном случае имеется в виду неразумное использование как материального, так и духовного богатства.

---

⁶ Антоний Сурожский, митрополит. О блудном сыне // Проповеди и беседы. Париж, 1976 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm>. свободный (09.04.2013)

⁷ Священномученик Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский. Слово в неделю о блудном сыне // Православный собеседник. Вып. 10 (103). 28 февр. (15 февр.) 2016. С. 10. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия], URL: <http://pravme.ru/uploads/files/00/00/01/2016/02/27/576c047fc4.pdf> свободный. (09.05.2016)

⁸ Цит. по: Чистяков Г. П. Над строками Нового Завета. М.: Истина и жизнь, 2015. С. 11.

⁹ Novum testamentum Graece / post Eberhard Nestle et Erwin Nestle. Editione vicesima septima revisa; communiter ediderunt Barbara et Kurt Aland. Stuttgart: Deutsche Bibelstiftung, 1993.

¹⁰ Мальчукова Т. Г. Евангельская притча о блудном сыне и ее интерпретация в творчестве А. С. Пушкина // Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве А. С. Пушкина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 350.

¹¹ Там же. С. 351.

¹² Biblia sacra vulgata juxta vulgatam versionem / Preparavit R. Gryson. Ed. Ll. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994.

¹³ Pyhä Raamattu. Suomen evankelis-luterilaisen kirkon kirkolliskokouksen vuonna 1992 käyttöön ottama suomennos. Helsinki: Suomen kirkon sisälähetysseura, 2002.

Под сыновьями в притче подразумеваются праведник и грешник, человек ветхий и новый, духовный и плотский. Антоний Сурожский подчеркивает трагичность и красоту трех образов, представленных в притче: преданность, верность и послушание старшего сына, посвятившего свою жизнь служению отцу, «творческое расположение» младшего, способного на искреннее раскаяние, и умение отца простить «всем сердцем, со всей нежностью»¹⁴. Переданное отцом имение трактуется как душевные и телесные дары, которые получает каждый человек: силы души (разум, чувство, воля) и благодать Духа Святого. Образ закалываемого тельца интерпретируется как искупительная жертва Господа Иисуса Христа¹⁵.

Сотериологический смысл притчи подтверждается также евангельским контекстом: повествование входит в цикл притч «об утраченном», раскрывающих идею спасения души и возвращения к Отцу Небесному. Повествование читается во время богослужения накануне святых дней Великого поста и призвано помочь верующим осуществить подготовку к Четыредесятнице. На утрене в неделю о блудном сыне поется псалом 136 (песнь изгнанного из Иерусалима иудейского народа о святом городе, оставленном доме). Таким образом, Церковь связывает символический смысл притчи о блудном сыне с судьбой покинувшего свою землю народа, тоскующего в изгнании об Отечестве¹⁶.

В разделе 1.2. «Евангельская притча о блудном сыне как предмет исследования филологической науки» освещены основные направления изучения притчи. Совмещаются методы и подходы лингвистических, социокультурных, литературоведческих исследований, используется социо-

---

¹⁴ Антоний Сурожский, митрополит. О блудном сыне // Проповеди и беседы. Париж, 1976 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm>. свободный (09.04.2013)

¹⁵ Феофилакт Болгарский. Толкование на Лк. 15 [Электронный ресурс] / Блж. Феофилакт Болгарский. [Россия]. URL: <http://feofilakt.ru/>, свободный (09.04.2014); Григорий Палама. Беседы: в 3 т. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1994. Т. 1. С. 39.

¹⁶ Шмеман Александр, протопресвитер. Зачем поют псалом изгнания и каков смысл Недели о блудном сыне [Электронный ресурс] / Александр Шмеман // Православие и мир. Электрон. дан. [Россия], 2016. URL: <http://www.pravmir.ru/velikiy-post-pochemu-segodnya-vecherom-budut-pet-psalom-izgnaniya-i-kakov-smyisl-nedeli-o-bludnom-syine/>. Яз. рус. (05.03.2016)

коммуникативное, лингвокогнитивное и речевое моделирование. Рассматриваются особенности жанра притчи, а также характер ее трансформации в произведениях художественной литературы на уровне сюжета, мотива, архетипа. Мотив блудного сына анализируется на материале биографического метатекста, эпистолярного, публицистического и художественного контекста (В. И. Габдуллина). Исследователи допускают широкое понимание символического значения притчи о блудном сыне, в связи с чем евангельский сюжет может быть достаточно полно отражен в литературном тексте или же трансформирован на уровне отдельных элементов и образов притчи без воспроизведения сюжета (В. И. Тюпа). В последние десятилетия появляются обобщающие работы, анализирующие литературные рецепции новозаветной притчи (А. В. Чернов, Е. К. Ромодановская, Э. А. Радь, В. И. Габдуллина). Освещаются проблемы воспроизведения притчи в региональных / областных литературах (А. П. Казаркин). Изучаются интертекстуальные связи произведений различных периодов истории литературы в контексте притчи о блудном сыне (К. А. Деменева). Кроме того, рассматриваются вопросы трансформации притчи в произведениях советских и постсоветских авторов, а также писателей, придерживающихся атеистического направления (А. П. Чалова, М. С. Мискина, О. С. Батова, Н. В. Ковтун). На наш взгляд, дальнейшего развития требует исследование рецепции мотива блудного сына в литературах народов России, в том числе финно-угорской, так как данный вопрос остается лишь намеченным в литературоведении.

Во второй главе **«Модификации мотива ”блудного сына” в литературе писателей-финнов»** исследуются механизмы функционирования христианского мотива в творчестве финноязычных писателей, иммигрировавших в Карелию из Финляндии и Ингерманландии. Раздел **1.1. «Мотивы ”духовного блуждания” и ”блуждания в пространстве” сквозь призму евангельского сюжета о блудном сыне в прозе Х. Тихля»** посвящен анализу заявленных мотивов в новеллистике

писательницы финляндского происхождения. Христианские традиции являются основополагающими в творчестве Х. Тихля: библейские образы и сюжеты, православные идеалы и ценности, проблемы взаимоотношения верующего человека с официальной Церковью интерпретируются автором. Мотив блудного сына, обозначенный в рассказе «Kulkuri» («Бродяжка», 1909), обусловлен социальными обстоятельствами и личным выбором героев. Сюжет притчи редуцирован и воплощается на уровне мотива в судьбе родителя и ребенка: оба приобретают черты блудного чада.

Главная героиня, юная Хэту, лишенная защиты, родительской любви, веры, остается неприкаянной, не находит пути к дому, семье. Разочарование в матери, выпавшие на ее долю испытания, равнодушие окружающих ожесточают ее сердце. Нравственное падение героини обусловлено социальными причинами и личным нравственным выбором. Мотив блудного сына реализован посредством следующих компонентов: уход из дома – скитания – совершение греха – раскаяние (ложное). Истинного раскаяния не происходит, соответственно, героиня не возвращается в отчий дом (устойчивый образ которого отсутствует) и не обретает прощения. Мотив раздела имущества также трансформирован: мать Хэту отказывается разделить с дочерью свой достаток. Потеряв веру, нравственность, собственный неповторимый лик, Хэту приобретает черты одинокого зверя, скитающегося в глуши.

История Фанни практически повторяет описанную выше схему. Образ родителя в данном случае приобретает черты блудного чада, согрешившего против Господа, мужа и дочери. Нарушив заповеди о браке, Фанни оставляет дом, распутствуя, живет в грехе. При встрече с Хэту она испытывает угрызения совести, но не способна пережить искреннее раскаяние, воскрешающее душу, поэтому вновь бросает дочь. Возвращения в семейный дом, воссоединения с дочерью не происходит, и Фанни, сбегая с очередным мужчиной, продолжает бродяжничество. В притче отец прощает сына за совершенный грех, тем самым способствуя его нравственному

преображению. В рассказе Х. Тихля мать сама греховна и сошла с пути истинного, в ее сердце нет подлинного чувства любви к ближнему.

В рассказе мотивы духовного блуждания и блуждания в пространстве реализуются сквозь призму сюжета евангельской притчи о блудном сыне. Художественное пространство структурировано вокруг дороги, символа жизненного пути, испытаний, а также нравственного становления героев. В связи с этим, мотив скитания, поиска, нравственного выбора становится ведущим.

Раздел 1.2. «Мотивы блудного сына и покинутой родины в поэзии Я. Виртанена» представляет собой анализ трансформации мотива блудного сына в стихотворениях поэта финна-иммигранта Я. Виртанена, участника революционных событий в России и Финляндии, воспевшего темы революционной борьбы, труда, общественно-политической жизни.

В стихотворениях «Huvästi Suomi!» («Прощай, Суоми», 1918) прослеживаются компоненты мотива блудного сына, которые могут быть интерпретированы на архетипическом уровне в связи с темой оставленной родины. Лирический герой покидает Финляндию после поражения революции 1918 года и стремится «на восток», в «страну рассвета и свободы»¹⁷. Уверая себя, что не будет испытывать чувства «боли и тоски», ощущая личную свободу, герой все же просит прощения у родной земли, осознает свое предательство («повернул к ней спину»). Таким образом, мотив блудного сына выражен имплицитно, компоненты мотива восстанавливаются посредством анализа текста стихотворения. Пространство, как и в притче, разделено на два топоса («свое» и «чужое»). Первоначально возвращение не представляется герою возможным, тем не менее, в последней строфе возникают мотивы чувства долга и борьбы за свободу («я странствую и сражаюсь среди пролетариев»). Смысл этого порыва меняет изначальное

---

¹⁷ Стихотворение цитируется по изданию: Virtanen J. Valittuja runoja. Petroskoi: Valtion kustannusliike kirjja, 1936. S. 54–55. Перевод А. И. Мишина: Виртанен Я. Э. Избранные стихи / Предисл. М. Горького. Петрозаводск : «Карелия», 1972. С. 48–49.

стремление лирического героя, который ради сохранения личной свободы готов был «повернуться спиной» к отчизне и «оставить ее позади».

Сюжет стихотворения «Ondrein kaipu» («Тоска Ондрея», 1922) сконцентрирован вокруг образа главного героя, мальчика Ондрея. Многократное повторение эпитета «маленький»¹⁸ подчеркивает незащищенность ребенка, оказавшегося поневоле вдали от родины: Ондрея с отцом и матерью увозят в Финляндию. Родителям с утра до поздней ночи приходится работать на хозяина усадьбы, чтобы получить свой «горький хлеб». Ребенок испытывает непреодолимую тоску по дому, его душа наполнена мыслями о родине. Мальчик решает вернуться в отчий дом и отправляется в нелегкий путь через «глухую чащу многовекового леса». Судьба героя остается неизвестной («лишь лесные деревья знают это»).

Художественное пространство, как и в евангельской притче, условно обозначено как «родное» («Карелия родимая») и «чужое» («на чужбину в край Суоми»). Тоска по отчему дому пересиливает, что и заставляет героя вернуться на родину. В произведении заявлена проблема выбора жизненного пути, актуальная в евангельской притче о блудном сыне. Ондрей принимает волевое решение, в то время как его мать и отец покоряются судьбе. В данном поступке отражено индивидуальное творческое начало человека, то есть стремление к поиску, обретению собственного жизненного пути, о котором пишет митрополит Антоний Сурожский¹⁹. Ондрей исчезает в переходном пространстве леса. «Лоно многовекового дремучего леса», хранящее тайну о сбежавшем Ондрее, олицетворяет границу между «своим» и «чужим» миром.

В разделе **2.3. «Рецепция мотива «блудного сына» в творчестве Леа Хело»** представлены особенности трансформации евангельского мотива

---

¹⁸ Стихотворение цитируется по изданию: Virtanen J. Valittuja runoja. Petroskoi: Valtion kustannusliike kirjja, 1936. S. 126–128. Перевод на русский язык Р. Такала: Виртанен Я. Э. Избранные стихи / Предисл. М. Горького. Петрозаводск : «Карелия», 1972. С. 66–68.

¹⁹ Антоний Сурожский. О блудном сыне // Проповеди и беседы. Париж, 1976 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия], URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> свободный. (09.04.2013)

в произведениях финна-ингерманландца Леа Хело на материале лирического стихотворения «Kutoja» («Ткачиха», 1928), а также рассказов «Isä» («Отец», 1929) и «Iivanan lankeemus» («Грехопадение Ивана», 1931). В произведениях финноязычного поэта и писателя мотив блудного сына актуализируется в моделях духовного блуждания, а также странствия в пространстве и времени. В стихотворении «Ткачиха» евангельский сюжет значительно трансформирован. Лирический герой покидает отчий дом во имя исполнения высшей цели, желая пройти свой путь «новой жизни». Мать работает за станком, в ее неустанном труде, постоянном плетении нитей ощущается упорство матери Леминкяйнена (эпос «Калевала»), соединившей в одно целое части загубленного сына. В стихотворении «Ткачиха» героиня будто притягивает сына, соединяет его с родной землей. Несмотря на то, что воссоединение не заявлено в тексте, надежда на слияние остается (не случайно автор использует глагол «летят», говоря о мыслях героя, устремленных к дому). О возможности возвращения и, следовательно, спасения, говорят мечты матери: «Не появится ли оттуда и нежно поздороваюсь: Я пришел к тебе снова, мама. Спокойно здесь, в нашей избе». Вопрос о покаянии героя, безусловно, не решается так, как в библейской притче, но значимо стремление героев понять друг друга («мать помню и стараюсь понять»). Герой надеется, что она не только кротко примет его жребий, но и осознает необходимость ухода сына на данном этапе жизни.

Вечная тема отцов и детей, ориентированная на евангельский мотив «блудного сына», переосмыслена автором в соответствии с особенностями эпохи 1920-х годов. Социально-исторические реалии создают новое семантическое наполнение «вечного» сюжета евангельской притчи. Леа Хело поддерживает идею создания нового мира, но при этом осознает, что страна по своему укладу, традициям и народной религии остается крестьянской. В связи с этим в его раннем творчестве отсутствует четкая картина будущего. Поэт воспекает природное, «материнское» начало мира. В стихотворении «Ткачиха» герой, несмотря на свой порыв, не может полностью оторваться от

прошлого, поэтому образ матери, воплощающий христианскую любовь и смирение, доминирует.

В рассказах «Отец» и «Грехопадение Ивана» мотив «блудного сына» актуализируется в моделях духовного блуждания, а также странствия в пространстве и времени. Герои находятся на границе двух миров. Настала новая историческая эпоха, но чуждость этому миру, необходимость выбора пути поселяет разлад во внутреннем мире героев, ставших блудными чадами. В рассказе «Грехопадение Ивана» главный герой возвращен в лоно церкви и родительский дом бессознательно, а отец Сергей не выполняет «сыновьи» обязанности перед церковью и Отцом Небесным. В рассказе «Отец» изображен юноша, совершивший грех перед отцом, но его возвращения не происходит, сын-предатель растворяется в пограничном пространстве, его судьба неизвестна. Исторические условия диктуют новые смыслы в интерпретации евангельской притчи, тема отцов и детей связана с образом географической, социальной, исторической и духовной границы.

В разделе 2.4. «Контекстные модификации мотива «блудного сына» в творчестве финнов-ингерманландцев» мотив блудного сына (дочери, детей) исследуется в произведениях постсоветского периода. В творчестве П. Пелля, П. Мутанена, К. Корвела, продолжателей литературных традиций Л. Хело, звучат темы судьбы человека и народа, взаимоотношения личности и родины. Мотивы ухода из Отечества, разрыва с корнями, вины, невольного предательства, странствия, тоски по родной земле, возвращения коррелируют с евангельским мотивом «блудного сына».

В главе 3 «Трансформация христианского мотива «блудного сына» в финноязычной прозе писателей-карелов второй половины XX века» рассмотрены особенности модификаций заявленного мотива в повествовании Н. Яккола «Pirttijärven rantamilla» («Водораздел», 1949–1968), романах А. Тимонена «Mirja» («Мирья», 1961–1966) и «Me karjalaiset» («Мы карелы», 1969), цикле романов О. Степанова «Kotikunnan tarina» («Родичи»).

В разделе 3.1. исследуются модификации мотива «блудного сына» в повествовании Н. Яккола «Водораздел». Данный мотив трансформирован в предании о заселении деревни Пирттиярви, повествующем о возвращении из плена на родину героини и ее сыновей. Путь Татьяны домой связан с прохождением через границу. Компонентам мотива блудного сына соответствуют уход из дома, разделение пространства на «свое» и «чужое», тоска по родине, возвращение в родные края. В предании нет указания на замужество Татьяны, следовательно, в соответствии с христианским канонами, героиня была вынуждена в течение долгих лет жить в грехе.

В повествовании представлен также текст народного предания о Туйю-Матти. Героиня предания Сантра бежала с возлюбленным, беглым крестьянином Иваном, не получив благословения отца. Необходимо учитывать, что браки «уводом» были достаточно распространены среди карелов, однако в данном случае отец открыто выразил свое недовольство выбором дочери и потребовал исполнения своей воли. Мотив блудного сына реализуется в компонентах своеволия, совершенного греха, ухода из отчего дома. Мотив значительно редуцирован, кроме того, меняется причина ухода – девушка покидает родную землю вслед за возлюбленным.

Мотив блудного сына отражен в судьбе коробейника Хекки-Хуотари: герой, как и в притче, уходит в «страну далече», оторвавшись от своей семьи, ощущает чувство свободы, совершает грех распутства. Через некоторое время он возвращается в свое Отечество. Однако Хекки-Хуотари не испытывает раскаяния за содеянное, вследствие чего не получает прощения. Его сын заболевает и умирает, что, в соответствии с народными представлениями, является карой за совершенные грехи.

Установлены компоненты евангельского мотива в сюжетной линии, связанной с судьбой Евкениэ. Героиня не обладает притягательностью: в терминах карельской традиционной культуры у нее не достаточно высокое лемби. Мавра, старейшая жительница деревни, хранительница традиций, обладающая силой заговора, проводит обряд поднятия лемби. Евкениэ

принимает последовавшее вскоре предложение замужества от юноши из соседней деревни. Желая исполнить свое предназначение, девушка нарушает нормы традиционного поведения: выходит замуж, не получив родительского благословения (отец отказал сватам, посчитав юношу материально недостаточно состоятельным), более того, проклинаемая отцом.

По прошествии нескольких лет муж Евкениэ погибает и девушка, оставшись с маленьким сыном в тяжелые годы войны, возвращается в отчий дом с надеждой на прощение и заступничество. Однако Хилиппа, отец Евкениэ, не принимает дочь. Конфликт дочери и отца не разрешим: спасение, которое она чаяла обрести в отчем доме, невозможно. Сердцу отца чуждо прощение, милосердие по отношению к страдающей Евкениэ и рожденному без его благословения внуку: Хилиппа живет по закону талиона. В повествовании Н. Яккола Евкениэ наказана трижды – смертью мужа, бедственностью своего положения и жестокостью отца. С точки зрения Хилиппы, наказание Евкениэ за совершенный грех справедливо. Он не дает дочери права на выбор, на исполнение своего предназначения. Мотив блудного сына трансформируется в мотив блудной дочери, при этом сохраняются структурные элементы: отец, блудное чадо, ситуация конфликта, мотив выбора, своеволия, ухода, доли / предназначения, возвращения, смирения, непощения. «Вечная» тема подвергается переосмыслению в сознании автора, возникает новая модель сюжета, ориентированная на этническую, культурную составляющие и вопросы искренности веры и поиска своей судьбы, исполнения предназначения.

В разделе 3.3 рассмотрена тема **судьбы героя в свете библейского мотива «блудного сына» в романах А. Тимонена «Мы карелы» и «Мирья»**. В дилогии «Мирья» раскрывается трудная судьба карельской девушки Мирки, которая потерялась во время войны и попала в Финляндию. В произведении показаны взаимоотношения поколений, поведенческий выбор героев подсказан личными убеждениями. В данном случае свобода, предоставленная чаду, как и в евангельской притче, приводит к

воссоединению семьи, обретению своего места и предназначения. В ситуации сложного нравственного выбора героиня осознает ответственность за свое будущее и жизнь любящих ее людей, обретает силу воли и понимание жизненного пути. Ее любовь к родной земле, отзывчивость к чужим невзгодам, незащищенность в новой для нее среде, острое желание понять действительность сформировали новое собственное мировоззрение, соединившее прошлое, настоящее и будущее в единое целое.

Тема судьбы в романе А. Н. Тимонена «Мы карелы» также исследуется в свете библейского мотива «блудного сына». Главный герой произведения – Васселей, житель деревни Тахкониemi, многие семьи которой живут и воспитывают детей в христианской вере. Религиозны мать и жена Васселея, творящие ежедневную молитву о заступничестве за их сына и мужа. Тем не менее, трагедия народа заключается в ощущении того, что «бог совсем не всемогущий, он скорее беспомощный»²⁰.

Герои переживают состояние отчужденности, потери жизненных ориентиров, в связи с чем мотив пути и поиска является сюжетообразующим в романе. Мытарства Васселея начинаются с совершенного им греха – убийства невинного человека (отомстил за смерть брата, убил по ошибке не причастного к преступлению человека). С этого момента начнется одиссея героя – вечный путь возвращения в отчий дом. Скитания Васселея сопровождаются потерей веры. Мир насильно разделен на два лагеря («свои» и «чужие»), и герой постоянно находится в ситуации выбора. Однако Васселей делает выбор не в пользу партии или национальной принадлежности, для него важны другие ценности – родной дом, семья, крестьянский труд. Конфликт между Васселеем и сторонниками социальной, политической борьбы трагически разрешается смертью героя. Мотив «блудного сына» реализуется через христианские образы и символы в романе, сюжетные параллели с евангельской притчей.

---

²⁰ Тимонен А. Н. Мы карелы / пер. Т. Сумманена. М.: Советский писатель, 1974. С. 176.

В разделе 3.3. анализируется мотив блудного сына в серии романов О. Степанова «Родичи», включающей шесть произведений: «Naaralahden arkea» («Будни Хаапалахти», 1969), «Sakun Jaakko, rahvaanmies» («Яакко Саку / Яакко Ремшуев», 1973), «Kuuma kesä» («Жаркое лето», 1979), «Lesket» («Вдовы / Вдовья доля», 1983), «Prokon Maksima» («Максим Проккоев / Максима, сын Прокко», 1986) и «Käki kukkui jäihin» («Кукушка кукует / куковала к холодам», 1989). Эпопея является документально-художественным повествованием, автор описывает события, которые происходили на севере Карелии в 1920–1950 годы, эпоху исторических перемен. Основной акцент делается на трудностях коллективизации в карельской деревне. В эпопее раскрываются темы драматизма времени, влияния исторических событий на судьбы героев, выбора пути, конфликта поколений, значения дома и семьи. Одним из важнейших является мотив блудного сына, отраженный в судьбах ряда героев (Петри, Костя, Марппа, Елена, Кейса и др.). Данный мотив проявляется на уровне сюжетной схемы «отцы и дети».

В романах поднимаются нравственные проблемы времени, описываются события, которые меняют жизнь людей. Герои О. Степанова трудно адаптируются к новым обстоятельствам жизни. Крестьяне не готовы к потере земли, хозяйств, налаженного быта. Герои уезжают, покидают родные места, некоторые с сожалением, а иные с надеждой на хорошие перемены. Причинами ухода из дома чаще всего являются конфликты поколений, желание свободы, перемены места, отсутствие взаимопонимания между близкими. Многие герои приходят к покаянию и возвращаются в родные края.

Конфликт отцов и детей достаточно ярко показывает разницу отношений к родной земле, любви к дому, помогает «понять степень свободы и зависимости человека от социальной среды и, главное, определить вечные

ценности человеческого бытия»²¹. Но в отношениях отцов и детей происходят изменения. К примеру, Максима в глубине души принимает новую жизнь сына Тимо, его крепкое хозяйство, устроенное не в родной деревне. Он мечтает о возрождении Хаапалахти и не может покинуть дом, в котором прошла вся его жизнь. Если прощение Господне всеобъемлюще, то отец, глава семейства, не в силах даровать такую милость, его прощение не является столь полным. Старик принимает сына, но не смиряется, всей душой оставаясь верным родной деревне.

В **Заключении** подводятся итоги работы, формулируются основные выводы, намечаются пути дальнейшего изучения темы с учетом расширения объекта и предмета исследования.

В корпусе рассмотренных текстов отмечено влияние индивидуального авторского начала на модификацию евангельского мотива. Большое значение имеет проекция на национальную культуру и этническую историю. Установлено, что мотив блудного сына функционирует в произведениях в общем христианском контексте творчества писателя или реализуется на архетипическом уровне в текстах советских писателей.

В произведениях отмечены следующие варианты основных образов: идентичный притче (отец – сын), замена того или иного образа (отец – дочь, мать – сын, мать – дочь). В качестве блудного чада может выступать ребенок. В лирике образ отца заменен обобщающим символом Отечества или равнозначным ему образом Матери-Земли, Родины-Матери. Компонентом трансформации мотива в произведениях писателей-ингерманландцев становится язык, потеря которого сопровождает разрыв с корнями, Отечеством. Встречается образ брата, который находится в противоположном лагере с главным героем (А. Тимонен «Мы карелы»). Идеологические границы стираются, когда братья находятся дома: важнейшей ценностью становится семья, родители. В исследованных

---

²¹ Радь Э. А. Механизм порождения сюжетных модификаций (на примере сюжета о блудном сыне) // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 61.

сюжетах композиция притчи отражена достаточно полно или подвергается значительной трансформации: герой гибнет на войне, на чужбине / судьба героя неизвестна, он исчезает в пограничном пространстве леса. Тем не менее, возвращение происходит в мыслях или памяти родных.

Основываясь на исследованиях В. И. Габдуллиной²², Э. А. Радь²³, В. И. Тюпы²⁴ и др., нами составлена модель причинно-следственных связей в поведенческом аспекте персонажей и трансформации мотива блудного сына в финноязычной литературе Карелии XX века. В эпоху серьезных исторических перемен на уход героев из отчего дома влияли объективные факторы, не зависящие от героев: революции, войны, классовые противоречия, коллективизация, создание леспромхозов, которые поглощали маленькие хутора и деревни, сиротство с младенчества, распад традиций, переезд в другую страну и др. Кроме того, существенное значение имеют причины субъективные, зависящие от поведения, характера, мировоззрения героя: конфликты с семьей, совершение греха, сиротство при живых родителях, желание свободы, лучшей жизни и др.

Трансформация мотива сопровождается рядом устойчивых образов и компонентов: проблема смены эпох, духовная и реальная граница во времени, разделение пространства на «свое» и «чужое», образы леса как пограничного пространства, хранящего тайное знание о судьбах героев, образы дороги, отчего дома. Художественное пространство структурировано вокруг дороги, символа жизненного пути, испытаний, а также нравственного становления героев. В связи с этим, мотив скитания, поиска, нравственного выбора становится ведущим. Очевидна связь образа блудного сына с судьбой народа, трагедией потери родного языка, поиска своих корней. Мотив

---

²² Габдуллина В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008.

²³ Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2014.

²⁴ Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. С. 67–81; Тюпа В. И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. С. 166–178.

блудного сына является достаточно распространенным в финноязычной литературе XX века. Он во многом обусловлен социально-историческими причинами: социальные катаклизмы, исторические перемены, революции, Гражданская война, потеря корней, уход из отчего дома.

В приложении представлена структура причинно-следственных связей в поведенческом аспекте героев, а также модель трансформации мотива блудного сына в финноязычной литературе Карелии XX века.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора.

Статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Колоколова, О. А. Мотив «блудного сына» в романе А. Тимонена «Мы карелы» [Текст] / О. А. Колоколова // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. – Серия: Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2014. – № 3. – С. 149–152.
2. Колоколова, О. А. Христианская традиция и народные верования в повествовании Н. М. Яккола «Водораздел» [Текст] / О. А. Колоколова // Финно-угорский мир. – 2015. – № 4. – С. 17–22.
3. Колоколова, О. А. Трансформация мотива «блудного сына» в стихотворении Леа Хело «Ткачиха» [Текст] / О. А. Колоколова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – № 1. – С. 66–75.
4. Колоколова, О. А. Тема границы сквозь призму евангельского мотива «блудного сына» в рассказах Леа Хело «Отец» и «Грехопадение Ивана» [Текст] / О. А. Колоколова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2017. – № 2. – С. 177–184.

Публикации в других научных изданиях:

5. Колоколова, О. А. Мотив «блудного сына» в романе А. Тимонена «Мы – карелы» » [Текст] / О. А. Колоколова // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» : Материалы. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. – Петрозаводск, 2014. – С. 647 – 650.

6. Колоколова, О. А. Предание о заселении и освоении края в карельском фольклоре и повествовании Н. М. Яккола «Водораздел» [Текст] / О. А. Колоколова // Язык и поэтика русского фольклора : к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа: сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции (16 – 19 сентября 2015 года, Петрозаводск). – Петрозаводск, 2015. – С. 163-166.
7. Колоколова, О. А. Образы традиционной и христианской культуры в финноязычной литературы Карелии 1920 – 1970-х годов [Текст] / О. А. Колоколова // Итоговый сборник выступлений участников межрегиональной научно-практической конференции «Финно-угорские народы северо-запада России: традиции и современность». Санкт-Петербург, 2015. – С. 17-18.
8. Колоколова, О. А. Трансформация мотива блудного сына (блудной дочери) в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» и в повествовании Н. Яккола «Водораздел». Интертекстуальные связи [Электронный ресурс] / О. А. Колоколова // Конференция «Бубриховские чтения: Гуманитарные науки на Европейском Севере»: Материалы. Петрозаводск, 1-2 октября 2015 г. Петрозаводск, 2015
Электронный ресурс
http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/bubrikh_2015.pdf С. 48-51.
9. Колоколова, О. А. Трансформация мотива «блудного сына» в прозе о революции писателей-карелов (Н. Яккола «Водораздел» и А. Тимонен «Мы карелы») [Текст] / О. А. Колоколова // Русская революция 1917 года в источниках и документах. – Москва : ИМЛИ РАН, 2017. – С. 195 – 200.
10. Kolokolova O. The motif of prodigal son in N. Jakkola's novel "Watershred" // Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Book of abstracts. – Oulu, 2015. – p. 88.